

Екатерина
АНДРЕЕВА-
БАЛЬМОНТ

Наша встреча

Мы встретились с Бальмонтом в первый раз в 1893 году у князя А.И. Урусова! В этом году Урусов праздновал особенно торжественно свой день рождения — 2 апреля. Ему минуло 50 лет. «С сегодняшнего дня я старик, — говорил он своим гостям, встречая их в передней и провожая в гостиную, — видите, какой у меня длинный сюртук, я отпускаю бороду и делаюсь очень серьезен». И он комически нахмурился, пряча свою сияющую улыбку. <...>

Гвоздем вечера в этот раз был Бальмонт, «наш милейший поэт», с которым А.И. подчеркнуто носился. Он уделал ему много внимания, постоянно подхалил к нему, заставлял его читать вслух стихи, восхищался их «изысканством и музыкальностью». «De la musique avant toute chose (музыка прежде всего), фр.», — цитировал он Верлена.

Первое стихотворение, которое прочитал Бальмонт, было не его, а Сюлли-Прюдома в его переводе. «Когда б я богом был, мы смерти бы не знали», — говорил он, обращаясь ко мне, а последние строки: «но только бы в тебе я ничего не изменил!» — он произнес, глядя уже в упор на меня, мимо всех.

Все это заметили, меня это страшно сконфузило и очень не понравилось.

За ужином Урусов посадил Бальмонта на почетное место — между своей женой и моей старшей сестрой. Когда подали шампанское, Урусов подошел чокнуться со мной, я села на кончик стола с его племянницами, и сказал мне вполголоса: «Я круг вешего очарования попал еще один, посмотрите, наш поэт не сводит с вас глаз». В это время Бальмонта просили произнести тост в стихах. Он немедленно встал и, глядя через весь стол на меня с Александром Ивановичем, сказал экспромт:

Всегда одно было вино,
Всегда одну люби жену.
И там и здесь
Вредит нам смесь.

«Он уже ревнует!», — сказал, смеясь, Урусов, и пошел чокаться с Бальмонтом.

Я тогда была занята исключительно Александром Ивановичем, была влюблена в него без ума и только потопом обращала внимание на Бальмонта, что его хвалил и ценил Урусов.

А Бальмонт говорил, что его встречала со мной с первой же минуты решила его участь (стихотворение «Бетриче», Я полюбил тебя, лишь увидя впервые...).

Но сблизилась мы не скоро. Я очень тяжело переживала мой разрыв с Урусовым, лучше сказать — его отдаление от меня. Как я потом поняла, он не намеревался менять что-нибудь в своей прочно налаженной жизни. Я ему нравилась, и он ухаживал за мной, как ухаживал за всеми сколько-нибудь хорошенькими женщинами. А я, пылая к нему своей первой любовью, воображала, что его временная влюбленность, которую он так умело и тонко проявлял, — настоящая любовь, такая, как моя... «единственная и вечная».

Я скрывала от всех свои страдания. Никто о них не подозревал. Только Бальмонт как будто чувствовал, что во мне происходит:

А я? Я все любию, как прежде,
как впервые,
А ты по-прежнему безмолвна
и грустна...

Мы много читали вслух в это время. Бальмонт посвящал меня в красоты Библии, Данте, польской поэзии. Это было то, чем он жил.

Когда Бальмонт в тот год уехал в Петербург и задержался там и его возвращение в Москву все откладывалось, я поняла, какое большое место он занял в моей душе. Медленность, с которой я осознала свое новое чувство, так мучила Бальмонта, что он уже хотел уйти от меня. Он просил меня решить окончательно, соединимся мы или нет. «Я не немец, я не могу и не хочу ждать года».

Внутренне я уже знала, что хочу быть с ним, и навсегда, но меня смущала моя еще столь недавняя страсть к Урусову. Прошло около двух лет, и я уже люблю другого. Любовь ли это настоящая, должностовавшая быть «единственной и вечной»? Я сказала Бальмонту о своих сомнениях.

«Только это заставляет вас медлить?» — спросил он, страшно удивившись, как бы не веря своим ушам. «Любовь всегда единственная и вечная, когда мы любим», — сказал он радостно, успокоенный. <...>

Моя мать не хотела принимать больше Бальмонта, она находила,

что явное ухаживание за мной женатого человека компрометирует меня. И правда, Бальмонт не скрывал, что бывает у нас для меня, он обращался только ко мне, не спускал с меня глаз, читал стихи мне одной. <...>

В это время у меня были два претендента, были две возможности сделать так называемую «хорошую партию» (Николай Александрович Энгельгардт и Всеволод Дмитриевич Протопопов). Оба были образованные молодые люди, помещики и со средствами. Оба сделали мне предложение.

Когда я удивлялась, что люди, хорошо меня знающие и якобы любящие меня, делают предложение, не догадываясь, что я люблю другого и что мне приходится говорить им об этом, Бальмонт сказал печально: «Вы очень хорошо скрываете свои чувства. Я ведь тоже часто спрашиваю себя, любит ли она меня, и мучаюсь сомнениями». <...>

Полбив меня в первый же вечер нашей встречи, Бальмонт не хотел оставаться со своей женой. Полготовив ее к уходу, что вызвало ужасные сцены и истерики, он собрал свои книги и вещи и переехал из их квартиры в номер гостиницы.

Мне об этом он ни слова не сказал. Написал только кратко, что перенел адрес, что писать ему теперь надо в гостиницу «Лувр». На мои удивленные распросы, «как же жена и ребенок», он ответил: «Так будет лучше для всех» — и переменил разговор. Только через несколько лет я узнала от него, как все произошло, и совсем не так просто для него, как мне казалось тогда, по его словам.

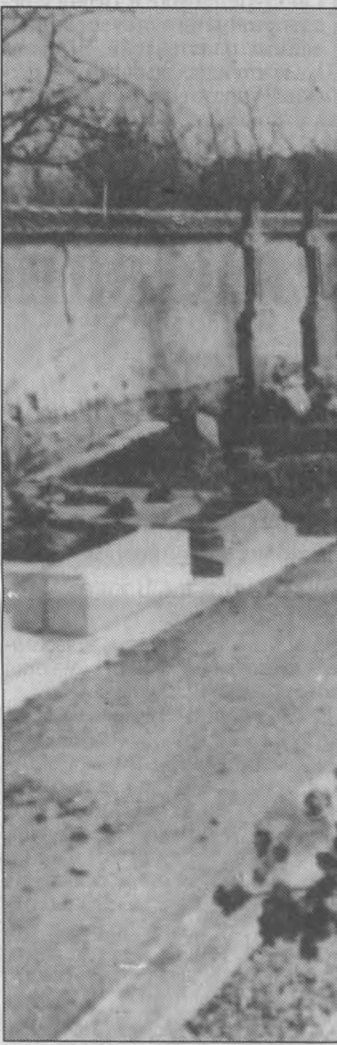
К счастью, за это время нашей дружбы с Бальмонтом жена его сблизилась с Николаем Александровичем Энгельгардтом — поэтом и другом Бальмонта, тем самым молодым человеком, который делал мне предложение. К счастью, говорю я, потому что Лариса Михайловна перестала преследовать Бальмонта и устраивать ему сцены ревности. Но все же она отомстила ему тем, что заставила его при разводе взять вину на себя, а это лишило Бальмонта возможности быть со мной.

Ей с Энгельгардтом законного брака не нужно было, так как они открыто жили вместе и у них родилась девочка*, которую Бальмонту же пришлось узаконить. А я была из буржуазной, старозаветной семьи. Моя мать была против моего брака с Бальмонтом. Она была глубоко верующая и считала грехом брак с человеком, уже раз венчанным, то, что я разрушу семью, где есть ребенок. Она не слушала моих возражений, что семьи нет, что Бальмонт уже давно живет отдельно, что жена его выходит замуж. «Нет моего благословения на такой брак», — сказала она твердо. <...>

Елена

Встреча Бальмонта с Еленой Цветковской имела очень большое значение в нашей жизни с Бальмонтом. А для Елены она была роковой. Он был с ранней юности ее любимым поэтом. Она знала его стихи наизусть, собирала его книги, все, что он писал и что писал о нем. Его книга «Будем как Солнце» в прекрасном переплете всегда находилась возле нее.

Встреча ее с Бальмонтом про-



Могилы К.Д. Бальмонта и Е.К. Цветковской

В последнее время не так уж часто вспоминают, говорят и пишут о Константине Дмитриевиче Бальмонте (1867 — 1942). Может быть, потому, что его имя не попало в череду столетних годовщин крупнейших русских поэтов XX века — от Хлебникова до Есенина, пришедшую на десять лет перестройки, гласности и возвращения забытых имен. Бальмонт родился и начал свою литературную деятельность гораздо раньше, его можно наряду с Иннокентием Анненским и Федором Соллогубом отнести к патриархам русского поэтического Серебряного века. Дебютировав в качестве шокирующего «декадента», Бальмонт стал затем одним из «старших символистов», единственным в своем роде певцом Жизни, Солнца, Человека. И конечно — Женщины с большой буквы.



Чрезвычайная влюбчивость Бальмонта, о которой писали многие мемуаристы, над которой не раз посмеивались современники, — это свидетельство неистощимого душевного богатства, отзывчивости поэта на все живое и оригинальное. Бальмонту были ведомы и мимолетные безобидные увлечения, и сердечная дружба с дамами самого разного возраста, и прочные многолетние привязанности. Перед нами воспоминания второй жены поэта — Екатерины Алексеевны Андреевой, написанные вскоре после его смерти, в 1944 году. Елена Константиновна Цветковская, о которой идет речь на этих страницах, стала третьей женой поэта, разделившей с ним тяготы эмиграции. Полностью «Воспоминания» Е. Андреевой-Бальмонт будут опубликованы в издательстве имени Сабашниковых.

Поэт и женщины

изошла в Париже на лекции Бальмонта в Русской колонии. Елена училась в Париже, была студенткой-математикой.

После выступления Бальмонт пошел в кафе и, выпив, пришел, как всегда, в неистовое состояние. Елена была с ним в кафе, а оттуда сопровождала его в блужданиях по городу ночью. Когда все кафе закрылось и негде было сидеть, она повела Бальмонта к себе в комнату, так как Бальмонт никогда не возвращался домой, когда был нетрезв. Елена ни минуты не колебалась произвести скандал в маленьком скромном пансионе, где она жила, привела с собой ночью мужчину.

Бальмонта она сразу поразила и очаровала своей необычностью. Он восторженно писал мне о встрече с ней. Я не придала ей значения, как не придавала значения его постоянным влюбленностям. <...>

Ей тогда было девятнадцать. Молчаливая, слерзанная, с очень хорошими манерами, с оригинальным бледным лицом, она совсем не показывала мне тем загадочным существом из сказки Эдгара По, какую мне ее описывал Бальмонт. Но ее наружность, надо сказать, поражала своей необычностью даже в Париже. Мне рассказывал Макс Волошин, который очень восхищался ее внешностью, что, встречая ее вместе с Еленой, французские художники и другие на Монпарнасе постоянно спрашивали Волошина: «Кто это?» и «Нельзя ли писать ее?». Известный испанский художник Зуллоага, поз-

накомившись, был ею очарован.

Елена ухватилась за Бальмонта страшно цепко, со всей силой своей первой страсти. Она отдалась ему сразу и всецело, без колебаний и раздумий «подарила ему свою молодую жизнь», как где-то говорит Чехов. И это подвело Бальмонта к ней сильнее всего. Она вызвала ему свое обожание при всех и при мне, ни с кем и ни с чем не считаясь. Никто, кроме Бальмонта, не существовал для нее. Она интересовалась только теми вопросами, теми людьми, которые ему были интересны. Чтобы читать и говорить с ним на его любимом английском языке, она тотчас же стала его изучать, а затем и испанский, польский, итальянский,

с которых научилась переводить под руководством Бальмонта. Французский и немецкий она знала уже раньше. Занятия математикой и астрономией были заброшены. Елена настолько была под влиянием Бальмонта, что говорила его словами, только утрируя до смешного его манеру выражаться: «познание — это искусство» вместо денег, и так далее. Она усвоила его способ выражаться и строить фразы. Писала его почерком, только буквы ее были более вычурны. У нее не было больше счастья, как быть с ним, слушать его. Она следила за ним всюду как тень, исполняя все его желания, прихоти, все его «хочу», в каком бы состоянии он ни был. Сопровождала его в его блужданиях днем и ночью. Сидела с ним в кафе, пила с ним то, что он пил...

Однажды она, больная, в лег-

ком платье, примерзла к скамейке на бульваре в Париже, где ему вздумалось сидеть очень долго ночью, и, вставая, содрала вместе с платьем кожу. Ей это не сошло с рук, как ему, но в это присутствие она не обращала на себя внимания. Когда ему надоело бродить ночью по улицам, она вела его к себе в комнату, где тотчас же появлялось вино в причудливых бокалах, изысканные фрукты.

Бальмонт читал стихи, она внимала ему, сидя у его ног — ее любимая поза. <...>

Наша жизнь втроем

С 1904 года Елена уже неукоснительно следовала за нами всюду. Она поселилась рядом, где бы мы ни жили: в Париже, Петербурге, Москве. Она бросила свои занятия, все ее время уходило на служение Бальмонту. <...>

Со мной Елена всегда была безукоризненно внешне внимательна и почтительна, как к старшей (она была моложе меня на пятнадцать лет). Но безынициативности называла меня «парашей» и уверяла Бальмонта, что преклоняется передо мной. Он верил ей и отвечал сорушались, что я не отвечаю на ее любовь. <...> «Поговорите с Еленой», — сказал Бальмонт, — и решите, между собой, как быть, я подчинюсь вашему решению». <...> Но когда узнала я от Бальмонта, что Елена в ожидании ребенка, я бесповоротно решила расстаться с ним. И сказала ему это. Он был потрясен неожиданностью. «Почему расстаться, я хочу быть с тобой. Но я не могу оставить Елену, особенно теперь, это было бы нечестно с моей стороны». С этим я была согласна.

Я так помню это наше решительное объяснение в яркую лунную ночь на берегу океана в Сулаке. Выслушав мои упреки и стенания, он не оправдывался, не врал. Я много позже только оценила, как честно и деликатно было все, что он говорил тогда. «Я у тебя ничего не отнимаю (Бальмонт любил слова Шелли «елить» — не значит отнимать), я такой же, как всегда, я никогда к тебе не изменюсь», — повторял он, опечаленный и расстроенный.

И это была правда. Вся жизнь он не менялся ко мне. Наша душевная близость, наша дружба, его постоянное внимание ко мне и к моим близким не только не ослабели, напротив, возрастали с годами. Он тосковал, не выносил долгой разлуки со мной, писал мне каждые два-три дня в продолжение всей жизни. И его письма свидетельствуют о том, как искренне и неизменно он любил меня. Он был искренен, как всегда. Его очень огорчало, что я так трагически воспринимаю происшедшее.

Мы решили, что пока, до рождения ребенка, он уедет куда-нибудь с Еленой. И он уехал в ней в Брюссель, чтобы быть недалеко от Парижа, где осталась я. Он писал мне оттуда постоянно, и его письма ничем не отличались от тех, что он писал мне раньше, до Елены, он всем со мной делился, и письма были такие же нежные, как всегда. По этим письмам я видела, что он тоскует по мне и Нинике, нашей

дочери, по нашей привычке жизни и хочет «домой», как он писал. Собираясь приехать ко мне в день моих именин. В этот день у Елены родилась девочка Мирра (названная так в честь покойной поэтессы Мирры Лохвицкой, которую очень любил Бальмонт).

А затем я узнала, что Елена не хотела его отпускать в Париж без себя, удерживала под разными предлогами. Он стал тогда пить. И в невменяемом состоянии спрыгнул с балкона со второго этажа на мостовую, не разбился, только сломал левую ногу. И любопытно, когда зажил перелом, ногу укоротили и стала как правая, и он перестал хромать. <...>

Елена нарушала все привычки

дочери, по нашей привычке жизни и хочет «домой», как он писал. Собираясь приехать ко мне в день моих именин. В этот день у Елены родилась девочка Мирра (названная так в честь покойной поэтессы Мирры Лохвицкой, которую очень любил Бальмонт).

А затем я узнала, что Елена не хотела его отпускать в Париж без себя, удерживала под разными предлогами. Он стал тогда пить. И в невменяемом состоянии спрыгнул с балкона со второго этажа на мостовую, не разбился, только сломал левую ногу. И любопытно, когда зажил перелом, ногу укоротили и стала как правая, и он перестал хромать. <...>

Елена нарушала все привычки



К.Д. Бальмонт и Е.К. Цветковская. Эмиграция

Бальмонту. Она вставала поздно, долго лежала в постели, курила, оживая только к вечеру. Засиживалась до поздней ночи. Когда она не ходила с Бальмонтом туда, «где светло и музыка», то ела в кафе, Елена дома устраивала ужин с вином, и Бальмонт до утра тогда читал ей стихи. Она никогда не оставила Бальмонта одного, сидела у него в комнате, сопровождала его в библиотеки — в Египетский музей, где он работал над своей книгой «Край Озириса», на прогулки, к знакомым. Так как Елена была непрактична и не любила хозяйства и всякие хлопоты и устройства, Бальмонт взял на себя заботы о их внешней жизни и хорошо справлялся с ними. Меня удивляло, что он делал это даже охотно. Меня возмущало, что Бальмонт должен был отрывать от своих занятий, чтобы вникать в хозяйственные мелочи. В нашей жизни с ним я никогда не допускала, чтобы он тратил свое время на это. Я ни во что не позволяла ему вмешиваться. <...>

Когда у них родился ребенок, она мало или, лучше сказать, совсем не занималась своей новоро-

жденной девочкой. Поместила ее на антресолях, предоставив всецело на попечение очень противной няни, которая подмешивала в молоко девочке пива, чтобы она побольше спала, «rouit rien ne change as monsieur et madame». (Чтобы не беспокоить господина и госпожу.)

Мое присутствие было столь неприятно Елене и ее ревность ко мне так мучила Бальмонта, что я сократила свое пребывание в Брюсселе.

Вначале Бальмонту такая необычная жизнь нравилась, как всякая перемена. Но потом он стал ею тяготиться. А Елена как будто этого не замечала.

Когда у Бальмонта срослась нога, я поехала за ним в Брюссель и перевезла его в Париж, как составили мне доктора в больнице, настаивая «изъять его из этой обстановки возможно скорее» («Возьмите авто и везите его скорее к себе»).

Бальмонт был счастлив очутиться дома, за своим рабочим столом, у себя в комнате, куда никто не входил без зова. Он еще хромал, ходил с палкой, но заметно поправлялся и приходил в равновесие. С нами со всеми был ласков, весел и много работал, как всегда. Девочке нашей, Нинике, было восемь лет. Бальмонт уделал ей много времени и внимания: он брал ее с собой гулять, уговаривал в кондитерских мороженым, беседовал с ней... Очень одобрял ее стихи и рисунки. Она писала по его заказу сказки, он давал тему, а она через час-два приносила прямо набело написанное «сочинение». «Почему снегирь красный, канарейка желтая, а соловей серый?», «Как жила твой любимый цвет?», «Как живут и колдуют травы?», «Почему ты любишь музыку?» и т.д. <...>

Когда Бальмонт напечатал в одной из своих статей разные высказывания Ниники, которые его поразили своей глубиной и красотой формы, я просила не называть ее имени в печати и ничего ей не говорить об этом. Ему это очень не нравилось, но он послушался меня. Он расшел, сколько ей полагалось за ее строки в фельетоне («Русского слова», кажется), и преподнес ей две золотые монеты по 10 рублей.

Последний роман

В конце тридцатых годов Бальмонт пережил свой последний роман. Роман этот был в письмах. Бальмонт никогда не видел ту молодую русскую девушку Таню

Последние
годы Бальмонта

В начале тридцатых годов, 31—32-м, я не знаю определенно, Бальмонт заболел нервной болезнью и провел больше года в лечебнице. Я очень мало или, лучше сказать, ничего не знала, чем именно он страдал, как его лечили. Знала, что очень трудно было его содержать в хорошей частной лечебнице и что только благодаря энергии и настойчивости Елены и Нюши² его не перевели в городскую психиатрическую лечебницу, где бы, наверное, Бальмонт сошел с ума. Частная лечебница была очень дорога, и Елена с Нюшей затрачивали все силы на удержание нужных денег. Они обращались к друзьям и знакомым и к общественной благотворительности. И им удалось устроить его в частный санаторий «Maison de Sante», где он находился под надзором врачей. Елена жила там с ним. Вскоре он настолько поправился, что мог посещать недалеко от санатория на своей квартире, состоящей из одной комнаты и кухни. Бальмонт долго не мог работать и зарабатывать, и они бедствовали.

В то же время заболела туберкулезом Нюша. Бальмонт навещал ее в больнице недалеко от Парижа, где она лежала. Нюша часто мне оттуда писала и каждый раз после посещения Бальмонта. Она находила, что его очень изменила болезнь. Он утратил свою восторженную жизнь, предприимчивость, ушел в себя и слабо реагировал на окружающее. Он по-прежнему много читал на разных языках, но не писал стихов и писем, вообще тяготился писанием и общением людей. Но его мало кто навещал, и он не любил выходить. Только без Елены он не мог обходиться и требовал, чтобы она всегда была тут. И Елена не отходила от него. Она много болела, стала очень слаба, но о себе, как всегда, не думала. Ее дочь Мирра ей не помошница. Она уже много лет как замужем, у нее много детей и никаких средств. Она бедствует, совершенно не умеет устроиться. Муж ее постоянно в отъезде и не помогает ей. Елена разрывалась между Бальмонтом и дочерью, которую помочь тоже бессильна.

Надо было иметь такую необычайную силу любви, как у Елены, чтобы выносить эту жизнь.

Через год с небольшим Нюша умерла. Бальмонт был у нее на похоронах. Смерть ее была для него не таким большим ударом, как я ожидала и боялась. Бальмонт не писал мне уже в то время. Сношения наши с Францией прекратились. Я не имела оттуда больше вестей.

Узнала из письма Веры Алексеевны Зайцевой из Парижа о том, что Константин Дмитриевич Бальмонт скончался 23 декабря 1942 года в 4 часа утра под Парижем, где жил в «Noisy-le Grand», от воспаления легких.

Я представляю себе, что это было по взятии Парижа ненавистными Бальмонту немцами.

Вот судьба.

Вери Цветковская вызвала Елену Константиновну Цветковскую. Это было 23 декабря, Бальмонт был уже без сознания. В тот же вечер Вера Алексеевна получила телеграмму о кончине Константина Дмитриевича.

Отпевали Бальмонта в церкви при «Русском Доме». Похоронили в «Noisy-le Grand». На похороны приехали Юргис Балтрушайтис с женой, Борис Константинович Зайцев с женой и еще несколько человек близких.

Елена Константиновна Цветковская умерла через два месяца, 12 февраля 1943 года, от воспаления в легком.

Мария Ивановна Балтрушайтис и Вера Алексеевна Зайцева собирались поставить памятник на могиле Бальмонта, чтобы могла его не затеряться.

Примечания

1. Князь Александр Иванович Урусов (1843—1900) — блестящий русский адвокат. Он одним из первых обратил внимание на поэзию Бальмонта.

2. У них родилась девочка, которую Бальмонт пришлось узаконить. Речь идет об Анне Николаевне Энгельгардт, которая родилась у Л.М. Горелиной (первой жены К.Д. Бальмонта) и Н.А. Энгельгардта в то время, когда их брак еще не был оформлен. Поэтому девочку сначала записал на свое имя Бальмонт. Впоследствии А.Н. Энгельгардт стала женой Н.С. Гумилева.

3. Нюша — Анна Николаевна Иванова (1877—1939). Рано овдовевшая А.И. Иванова и ее сестра Елизавета воспитывались в семье дяди — Василия Семеновича Сабашникова, женатого на сестре Е.А. Андреевой, Анны Николаевны, была близким другом Андреевой и Бальмонта.

Публикация
Аллы ПАНИНОЙ

Главный редактор номера
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ

Ответственные секретари
Юрий ПАТРИН,
Евгений СЕМЕНОВ

Логотип:
Семен ЛЕВИН,
Борис МИРОШИН

Дизайн-макет:
Аркадий ТРОЯНКЕР

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ

Технический редактор
Дмитрий ТУМАНОВ

Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА



Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Галина ИЛЬЧЕНКО
Тел.: 915-70-40, 915-26-19.
Факс: 915-26-06

Производственно-издательский отдел
Ирина СОВКОВА
Тел.: 915-75-81

Цена свободная

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 6. 3. 96 г. Заказ 11098. Тираж 10000 экз.